

пустая студия представляет

ТИХИЙ ЧАС

Александр Чуварлев

Александр Чуварлев

Тихий час

<https://litres.ru/74677549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый вечер в 21:00 город замирает. Пять минут тишины. Алгоритмы отключены. Люди остаются наедине с собой.

Официально.

Он — аналитик Отдела эмоциональной безопасности. Его работа — слушать чужие секреты, которые люди доверяют своим цифровым двойникам в эти пять минут. Он знает о них всё: как они дышат, когда врут, как молчат, когда им больно. Он привык анализировать. Он не привык чувствовать.

Но однажды в тихий час исчезает его жена.

«Тихий час» — это триллер о любви, которая задыхается в тишине. О секретах, которые мы доверяем машинам, потому что боимся сказать их друг другу. И о том, что иногда самый опасный алгоритм — это привычка не видеть тех, кто рядом.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Чуварлев

Тихий час

Глава 1

Глава первая. Протокол 1: Начало наблюдения Тихий час наступает в двадцать один ноль-ноль. Без сирен, без предупредительных зуммеров. Просто ровно в девять вечера в распределительных щитах синхронно щёлкают реле, отсекая бытовые терминалы от центральных узлов, и в панельных многоэтажках наступает акустический вакуум. Вентиляционные шахты перестают подвывать. Умолкают фоновые сервисы, глушатся компрессоры настенных блоков, а в серверах Отдела эмоциональной безопасности гаснут зелёные гребёнки индикаторов. Официально это называется окном сенсорной разгрузки — гигиенической мерой, утверждённой городским департаментом здравоохранения. Пять минут абсолютной тишины, чтобы пульс горожан пришёл в норму, а оперативная память шлюзов сбросила кэш. Неофициально — в эти триста секунд каждый житель мегаполиса остаётся без надзора. Один на один с бетонной коробкой, собственным хриплым дыханием и темнотой. Большинство людей в это время боятся даже кашлянуть. Они замирают

у кухонных стоек или в креслах, уставившись в погасшие мониторы. Я считаю это время иначе. Сегодня пошёл двести семнадцатый день. Пять тысяч двести восемь часов непрерывной инвентаризации. Из них ровно двести семнадцать пятиминут — слепых зон, когда система была мертва, а я сидел на этом табурете. На клеёнке передо мной лежит бухгалтерский grossбух в коленкоровом переплёте. Страницы пожелтели по краям, бумага пахнет сырым подвалом и высохшим клеем ПВА. Это чистый служебный анахронизм: я обязан сдавать отчёты по закрытому протоколу в нейросеть, но записи делаю графитовым карандашом с маркировкой «ТМ». Графит не имеет MAC-адреса, его нельзя перехватить по радиочастотному излучению шины процессора. Сегодня я вывожу на пустой странице: «12 ноября. Факт: А. С. ненавидела запах выпечки с корицей. Причина: астматический спазм в детстве. Следствие: еженедельный чек из бакалеи на углу содержит позицию "Корица цейлонская молотая, 50 г". Стекланные баночки складировались на второй полке навесного шкафа. Слой бытовой пыли на крышках идентичен фоновому. Зачем тратить талоны на то, к чему не прикасаешься?» Моя должность в третьем управлении называется скромно: старший аналитик невербальных сбоев. По факту я — санитар чужих секретов. Каждый гражданин носит в ухе кохлеарный имплант или держит на столе капсулу персонального ИИ-компаньона. Люди доверяют алгоритму то, чего никогда не скажут супругам или терапевтам: ночные

панические атаки, скрытую ненависть к коллегам, растраты, мысли об эвтаназии, мелкую зависть. Программа слушает. Программа фильтрует. А если в голосе собеседника появляется характерная дрожь, микропауза между словами превышает восемьсот миллисекунд или зрачки сужаются вопреки уровню освещения, карточка пользователя ложится мне на стол. За три года я закрыл четыреста двенадцать карточек. Четыреста двенадцать мужчин и женщин искренне полагали, что плачут в плечо заботливому электронному ассистенту. Я читал расшифровки их бреда, прослушивал шумы клапанов их сердец и нажимал кнопку с кодом «Девияция второй степени». После этого людям меняли фармацевтическую схему или молча исключали их профили из городской базы занятости. И за все эти годы мне ни разу не пришло в голову, что в этой квартире микрофоны стояли не только для моей работы. Ровно двадцать один ноль-ноль. Щелчок. Тонкий писк диодов на холодильнике гаснет. Окно на четырнадцатом этаже выходит на магистраль, но сейчас шоссе напоминает чёрный ров: беспилотные электробусы застыли у разделительной полосы с выключенными фарами. В доме напротив виден десяток одинаковых окон: серые силуэты людей, застывших посреди комнат с занесёнными руками или опущенными головами, точно манекены на складе готовой продукции. Она исчезла именно в этот интервал. Без верхней одежды, без списания баланса на проездном чипе, не активировав ни один уличный трекер. В двадцать ноль пятьдесят

девять она перебирала ампулы в домашней аптечке. В двадцать один ноль пять ванная комната была пуста, а форточка откинута на фиксатор. Анна Сергеевна. Ведущий хирург отделения полостной реконструкции. Руки сухие, сильные, с короткими ногтями, вечно пахнущие спиртовым антисептиком и латексом. Она не умела плакать на людях, зато умела часами держать металлический расширитель в раскрытой брюшной полости, когда вокруг сыпались мониторы жизнеобеспечения. «В браке, как в операционной, — сказала она мне на четвёртый месяц после свадьбы, оттирая хлоргексидином след от авторучки на запястье. — Если ткань омертвела, её нужно иссекать до здорового края. Иначе начнётся сепсис, а пациенты в сепсисе умирают молча». Тогда я посчитал это профессиональным цинизмом медика. Записал в голове: «Эмоциональная ригидность, компенсаторная реакция на стресс». Дебил с высшим аналитическим образованием. Познакомились мы в шестом диагностическом пункте. Я сидел в очереди с направлением на ежегодный скрининг лояльности, она — продлевала лицензию на доступ к наркотическим анальгетикам. В руках у неё был ободранный томик в картонной обложке — настоящее типографское издание, серые страницы с типографским браком. — Кафка? — спросил я, разглядев тиснение. — «Процесс». За хранение немаркированной литературы прошлого века вам положен выговор по ведомству. Она даже не вздрогнула. Перевернула страницу, зажав уголок большим пальцем. — Выговор выпи-

сывают живым, — ответила она хрипловатым от усталости голосом. — А я третьи сутки в отделении неотложки. У меня в реанимации двое без сознания лежат, и обоим плевать на постановления мэрии. Хотите донести — идите к дежурному инспектору на первом этаже. Только учтите, у него обед, а я здесь до пяти вечера. — Я не из надзора, — соврал я тогда. — Я из отдела системной статистики. — Какая разница, как называется канцелярия, которая взвешивает чужие грехи? — Она закрыла книгу, положив её корешком вверх. — Читаю, потому что когда вчитываешься в чужой абсурд, собственная смена кажется почти логичной. А вы зачем здесь? — Обязательный протокол. Проверяют, не появились ли мысли, мешающие спать по ночам. — И как? Появились? — Пока удаётся глушить нормотимиками. Она посмотрела мне в лицо внимательно, будто пальпировала лимфоузлы. Без кокетства, с хирургической сосредоточенностью. — Плохой препарат. От него снижается тремор, но тупеет взгляд. Через пару лет перестанете различать запахи. Через полтора года мы расписались в районном загсе. Присутствовали четверо её коллег из хирургии, двое моих сослуживцев, которые весь вечер подозрительно оглядывали розетки, и тётя из Воронежа. Анна надела простое льняное платье без кружев. На банкете не играла музыка: в ведомственных домах после двадцати двух запрещались звуковые колебания мощностью выше тридцати децибел. Мы пили сухое вино из чайных чашек и обсуждали график дежурств. Двадцать один ноль пять. В

стене сухо клацнуло реле. Холодильник заурчал, нагнетая хладагент. На столе с коротким всхлипом проснулся терминал. По экрану побежали служебные строки авторизации: ID 884-01-Б. Допуск подтверждён. Сессия открыта.— Добрый вечер, — произнёс плоский динамик базовой станции. Голос Марка я калибровал сам: низкий мужской баритон, лёгкая хрипотца на согласных, полное отсутствие синтетической слащавости. Никаких эмоциональных модуляций, только ровная меланхолия уставшего архивариуса.— С возвращением в сеть, Марк. Сними логирование за последние сутки. На экране возник серый графический маркер. Он медленно пульсировал, меняя диаметр от пяти миллиметров до восьми — имитация дыхательного цикла.— Пакеты данных за интервал двадцать один ноль-ноль — двадцать один ноль пять отсутствуют. Штатный аппаратный обрыв. Фооновые показатели жилого сектора в пределах допустимой нормы.— Что с запросом по архивам тринадцатой больницы?— Запрос заблокирован внутренней безопасностью медицинского кластера. Причина: истечение срока хранения личного дела хирурга Корнеевой А. С. Дело переведено в категорию «Безвозвратная утилизация». Пальцы замерли над клавиатурой.— Повтори статус.— Утилизация. Носители уничтожены термическим способом по акту от десятого октября.— Личные дела врачей первой категории хранятся двадцать пять лет в резервном фонде министерства. С каких пор бумагу жгут через двести дней?— Распоряжение поступи-

ло из вашего управления. Подпись начальника сектора Горелова. В горле пересохло. Горелов лично подписывал мне отпуск по семейным обстоятельствам, хлопал по плечу и цедил сквозь зубы: «Ищи, парень. Если баба сбежала — найдём по камерам. Если померла — всплывёт на опознании. Не рви жилы». — Марк, подними структуру локального бэкапа моей квартиры за год, предшествующий её уходу. — Выполнение операции классифицируется как нецелевое использование служебного ресурса. — Авторизуй по аварийному ключу супервизора. Код: девять-ноль-один-дробь-ноль. Серый кружок на дисплее замер. Вентилятор охлаждения в корпусе набрал максимальные обороты, выдувая на скатерть струю горячего пыльного воздуха. — Доступ открыт, — процедил Марк. Голос слегка просел по частотам. — Обнаружено четыре тысячи двести семнадцать внутрисетевых диалогов с участием двух абонентов. Из них двенадцать сессий имеют тег «Острое аффективное состояние». — Открой любую из двенадцати. — Невозможно. Содержимое контейнеров перезаписано псевдослучайными последовательностями. — Кем? — Пользователем Анна Корнеева. Локальная криптографическая подпись подтверждена. Дата модификации — за три месяца до прекращения её активности в сети. Я медленно отодвинул стул. Ножки с мерзким визгом проехали по старому линолеуму. Она шифровала домашние логи прямо с моего рабочего терминала. В то время, пока я сидел в соседней комнате и вылавливал оговорки у чужих жён и лю-

бовниц.— Марк. Где физически находится корневой каталог ключей?— Удалённый сервер недоступен. Каталог зафиксирован на физическом носителе вне системного реестра. Погрешность геолокации — в пределах текущего периметра.— Здесь? В квартире?— Сигнал не регистрируется. Носитель пассивен. Я захлопнул крышку ноутбука. Синий светодиод на торце мигнул и погас. В тишине стало слышно, как за тонкой гипсокартонной стеной соседка моет посуду: металлическое звяканье ложек, глухой стук чугунной сковороды о раковину. Обычная жизнь людей, у которых нет причин заглядывать за изнанку обоев. Я вернулся взглядом к блокноту. К строчке про корицу. Она покупала её по четвергам. В бакалее на первом этаже работал глуховатый старик кавказец, который отпускал пряности в одинаковых стеклянных баночках с жестяными крышками на резьбе. Анна возвращалась со смены, ставила банку на полку, а предыдущую выбрасывала. Я сам выносил пакеты в мусоропровод. Но последнюю она купить не успела. Или успела? Я подошёл к кухонному гарнитуру. Вторая полка. Соль «Экстра» в картонной пачке, сода, две пачки индийского чая со слоном, банка с сушёным лавровым листом. И в самом углу, за банкой с перцем-горошком — маленькая гранёная ёмкость. Коричневый порошок заполнял её до половины. Я отвинтил крышку. В нос ударил приторный, сухой, пыльный запах. Никаких следов специй в нашем доме никогда не водилось: Анна готовила пресно, по диетическому столу номер пять, ссылаясь на хронический

гастрит после интернатуры. Я вытряхнул содержимое банки прямо на расстеленный блокнот. Коричневая горка рассыпалась мелкой фракцией. Никаких посторонних предметов в порошке не было. Тогда я поднёс банку к настольной лампе и заглянул внутрь. На самом дне, покрытом слоем густого бесцветного клея, виднелся тёмный контур. Я поддел его кончиком маникюрных ножниц. Клей потянулся резиновой нитью. Плата формата microSD. Без маркировки объёма, старого образца, с зачищенными наждачной бумагой контактами. Специя нужна была не для маскировки — сильный фенольный запах корицы глушил датчики служебных собак на проходных комбината, если бы квартиру решили прочесать по протоколу поиска взрывчатки или наркотиков. Хирург. Проклятый расчётливый хирург. Я достал из ящика переходник, вставил карту в боковой слот ноутбука и поднял экран. Система отозвалась мгновенно: Обнаружен съёмный диск. Введите ключевую фразу. В поле ввода мигал курсор. Счётчик попыток: три. После третьей ошибки контроллер стирал флэш-память подачей повышенного напряжения с батареи питания. Кафка? Она читала его в очереди. Я вбил латиницей: Kafka. Ошибка. Осталось 2 попытки. Я сжал челюсти так, что заболели зубы. Она знала, как я мыслю. Знала, что первым делом я полезу в поверхностные ассоциации аналитика. Что для неё было действительно важным? Наша свадьба? Двенадцатое мая. Двенадцать гостей. Стол на веранде. Я ввёл: 1205. Ошибка. Осталась 1 попытка. По спине покатился хо-

лодный пот. Если я сожгу этот чип, двести семнадцать дней превратятся в бессмысленное сидение на кухне до конца моих дней. Я закрыл глаза. Вспомнил её голос за неделю до ухода. Мы ужинали разваренным рисом с хеком. Она сидела напротив, смотрела в окно на мокрый снег и крутила на пальце простое серебряное кольцо без камня.— Ты помнишь, как звали собаку, которая жила в будке у приёмного покоя, когда мы только съехались? — спросила она вдруг.— Аня, у нас нет времени на дворовых псов, — ответил я, не отрываясь от служебной сводки. — Мне завтра сдавать квартальный отчёт по нелояльным элементам сектора Б. Она помолчала. А потом сказала тихо, глядя на свои руки:— Ты никогда не спрашиваешь, больно ли мне стоять по десять часов у стола. Ты спрашиваешь только, сколько людей сегодня не доехало до морга. Это не диалог. Это допрос. Я открыл глаза. Посмотрел на клавиатуру. Медленно, по одной букве, набрал без пробелов: мне больно. Экран дёрнулся. По строкам побежали зелёные каскады распаковки. Доступ разрешён. В корневом каталоге лежал единственный аудиофайл формата .wav и графический снимок низкого разрешения. Я кликнул по звуковой дорожке. В наушниках зашумела фоновая запись: далёкий гул вентиляции, металлическое позвякивание инструментов и её прерывистое, свистящее дыхание. «Если ты взломал этот сектор, значит, ты всё-таки полез в мусор. Значит, твой алгоритм дал сбой, и ты попытался проанализировать то, что не укладывается в графы отчё-

та. Ты ведь сейчас думаешь, что я завербована? Ищешь иностранных резидентов, подпольные ячейки, шпионские каналы связи? Не утруждайся. Всё проще. За последние два года через мой операционный стол прошло тридцать семь человек с формулировкой "бытовая травма". У всех были рассечены мягкие ткани затылочной области. Твои коллеги вырезали у них капсулы лояльности кустарными фрезами, прямо в подвалах управления, когда подозреваемые отказывались давать показания добровольно. Ты ведь не знал об этом, правда? Твоё дело — чистые логи и аккуратные графики. Ты не видишь кровь на полу. Ты видишь только проценты девиации. Я не ушла от тебя, Коля. Я ушла от машины, в которую ты добровольно превратился. Если тебе ещё интересно, почему пахнет корицей — спроси в лавке на Набережной, дом шесть. Скажи Вере, что швы сняты. Она поймёт». Щелчок. Дорожка оборвалась. Я открыл графический файл. Размытая ночная фотография: низкое кирпичное крыльцо с массивной кованой решёткой, над ней — тусклый желтоватый фонарь и деревянная вывеска с облупившейся краской: «Кондитерская артель. Чай. Сдоба». Настенные часы над холодильником мерно отсчитали секунды. До следующего тихого часа оставалось ровно двадцать три часа и пятьдесят минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.